ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

ВЛАДИМИР ЖЕСТКОВ: Я помню другую Россию

Осенью наш город получил необычный подарок: коллекцию книг из библиотеки Владимира ЖЕСТКОВА. Свою библиотеку Владимир Иванович формировал семьдесят пять лет, и сегодня она представляет бесценное собрание. Часть ее и получили тольяттинцы. Эти книги были переданы в библиотеку Автограда, о чем мы уже писали. А вот сегодня у нас есть редкая возможность встретиться с самим Владимиром Ивановичем, который приехал вместе со своей дочерью Марией по приглашению мэра города. Напомню, что сын нашего гостя, Николай Владимирович Жестков, работает с Волжским автозаводом представителем фирмы «Bosch». Владимиру Ивановичу девяносто восемь лет. Представляете, сколько видел и пережил человек, ровесник двадцатого века... Обо всем за короткую встречу, разумеется, поговорить не удалось. Сегодняшняя беседа с ним и Марией Владимировной — о том, что вспомнилось.

— Скажите, пожалуйста, Владимир Иванович, помните ли вы ту Россию, которую когда-то были вынуждены покинуть?

В. И.: Конечно, помню. Мне ведь было восемнадцать лет в то время, я уже готовился к вступлению в Белую армию, но до этого не дошло, потому что всех нас погнали на юг, в Турцию. Сейчас наступает роковая годовщина этой даты — восемьдесят лет. Скажу вам, что эмиграция шла двумя путями: через Черное море и западные страны — Балтика, Чехия, Германия и так далее.

Такие страны, как Франция, Америка, Германия, взяли массу эмигрантов на свое иждивение. В течение полутора лет нас кормили, одевали, обували. Отношение к нам, к нашей волне эмиграции было сочувственное. Европа не страдала от безработицы, волей-неволей уехавшие из России находили какую-то работу да и сами не спали. Мой отец, например, организовал транспортное общество в Константинополе. Потом мы уехали в Чехию. А Чехия в силу военных причин набрала очень много русского золота. Как это получилось? Дело в том, что в России после революции оставался большой чешский легион, который не мог вернуться в Чехию через юг, потому что там была Красная Армия, поэтому пошли через Сибирь. По дороге очищали все кассы, с очень большим капиталом вернулись в Чехию и создали колоссальный легионский банк. Но чешская профессура потребовала, чтобы на эти деньги, принадлежащие России, могли учиться русские студенты. Так была создана организация, выплачивающая стипендии десяти тысячам молодых людей. Тогда же были созданы университеты, русские гимназии. Это была государственная деятельность. Я попал в число стипендиатов. Вы, наверное, помните, что в эмиграции оказалась вся культурная элита России. А тех, кто не уехал сразу, Советы вскоре выслали. В Чехии, например, был создан юридический факультет с такими звездами, как Струве, Новгородцев, Булгаков. Я там учился, хотя имел способности не юриста, а техника, наслаждался лекциями, но первый экзамен блестяще провалил, и это дало возможность идти в политехникум, который мне был больше по душе. Потом мы решили переехать на юг Франции, в Ниццу, о чем мечтали. Ницца в то время была почти русским городом. Отец всегда хотел купить кусочек земли и обосноваться там, где потеплее.

— А чем занимался ваш отец до революции?

В. И.: В России он был главным бухгалтером очень крупной текстильной фирмы Коновалова, который потом был членом Временного правительства. Ну а потом, когда пришли большевики, Коновалов удрал и отец мой тоже, потому что его хотели поставить на место самого Коновалова, чего он никак не хотел. Присоединился к Белой армии и работал там в министерстве продовольствия.

Так вот, землю на юге Франции купить не удалось, потому что отца обокрали: он вложил деньги в одно дело в Чехии, в производство сына своего друга, который перевел дело на имя жены, а сам объявил о своей несостоятельности.

В Ницце я поступил слесарем на электростанцию, а отец купил четыре курицы и одного петуха, арендовал кусочек земли, и наша семья занялась куроводством, а я работал слесарем, электриком и так далее. Затем в Париже вплоть до директора завода.

Ницца — интереснейший город. Задолго до революции туда приезжали русские на время отпусков. Здесь находились их имения, был там и роскошный русский собор. Потом в Ницце организовали русскую гимназию.

В тридцатых годах я женился, у нас родилось четверо детей. Мы с женой стали основоположниками племени в тридцать человек — с детьми, внуками и правнуками.

— Я слышала, что эмиграция не ощущалась постоянной, во всяком случае теми, кто уехал сразу после революции.

В. И.: Действительно, эмиграция ощущалась временной — мы все время ждали, что вот-вот что-то произойдет и мы вернемся, все время «сидели на чемоданах». Мы знали, что Белая добровольческая армия должна была в большом количестве эвакуироваться на юг Турции, но этого не произошло, всю армию пригласил к себе в Сербию король, устроил на работу. У нас на юге Франции было отделение политической организации «Национальный союз нового поколения», потом «Национальный трудовой союз». Мы думали о России, разбирали те причины, которые породили эту катастрофу, ставили главную цель — научить молодых разбираться в политике. Что мы могли сделать для России? Никакого терроризма не допускали вообще, занимались письменной пропагандой, создавали в большом количестве литературу и пересылали ее в Россию. Каким образом? Вот послушайте: в Германии арендовали просторный двор, делали большие шары, клали в них литературу и соответствующий механизм, который управлял шаром. Таким образом, шар пролетал сколько-то тысяч километров, разрывался, а все содержимое падало на советской территории.

ФОТО ВЛАДИМИРА ХОЛОДА

Потом создали антисоветское радио «Свободная Россия». И сами, конечно, читали советские газеты: «Комсомолку», «Труд» и «Гудок». Но эту информацию нужно было уметь читать, и скорее всего — с изнанки.

Шли годы и даже десятилетия, и вот в один прекрасный момент мы почувствовали, что в Москве происходит что-то необычное. И однажды увидели, как со здания правительства спустили красный флаг и подняли российский. В это время мой сын Николай с женой был в Москве на первом конгрессе соотечественников, а потом и мы получили приглашение на второй конгресс, на котором я присутствовал с дочерью и внучкой.

Когда я по этому случаю попал в Россию после семидесяти лет отсутствия, мне очень хотелось наклониться и поцеловать русскую землю, но дети сказали: ни в коем случае! Подумают: собезьянничал с Папы Римского, который каждый раз, приезжая в какую-то страну, становится на колени и целует землю.

В России я встретил двоюродную сестру, с которой мы не виделись пятьдесят пять лет и ничего не знали друг о друге. А еще побывал в церкви Трифона-мученика, где меня девяносто лет назад крестили.

М. В.: Все это хорошо, но вы знаете, что к нам, оставшимся русскими, хотя никогда не знавшим Россию до недавних времен, отношение со стороны российских властей явно несправедливое. Мы, так же как французы или китайцы, должны стоять в очередях для получения виз, получать приглашения. Я считаю, что это неправильно. Если бы нам дали большую возможность в передвижении, мы могли бы и больше сделать для установления связей между Россией и Западом. К нам же относятся как к инородцам. Я считаю, что русским можно было бы облегчить контакты с Россией. А желание что-то сделать для России есть. Например, наш приход охотно помогает семьям, где растут дети. Мы собираем детскую одежду, в Тольятти, кстати, тоже привезли, потому что знаем, что в приютах и детских домах постоянно всего не хватает.

— К сожалению, государственная машина очень неповоротлива. А вы, простите за нескромность, гражданами какой страны являетесь?

В. И.: Я до сих пор остался беженцем, без французского гражданства. Я русский эмигрант, политический эмигрант. Дети — другое дело.

М. В.: Я хочу пояснить: со стороны мамы дед принял французское подданство в тридцатых годах, и она (в то время несовершеннолетняя) стала француженкой, и мы — как дети — тоже. А мамина мать, урожденная Татищева, умерла с беженскими бумагами. Мой прадед Татищев был женат два раза, вторая его жена француженка. Они приехали в Ниццу, дед в двадцать девятом году умер, его вдова, француженка, продолжала жить с эмигрантскими бумагами во Франции. Как-то под конец своей жизни она пошла менять свою карту, разрешающую в течение десяти лет жить на территории Франции, и попала на молодого чиновника, который ей сказал: «Слушайте, вас зовут Маргарит Шартрон, вы родились в городе Бурже, почему вы эмигрантка в своей стране?» Она объяснила, что была замужем за Татищевым и приехала сюда из России беженкой. Чиновник предложил: «Если вы хотите, я восстановлю ваше подданство». Но она ответила: «Знаете что, я была русской, когда Россия была счастливой, я останусь русской, когда Россия несчастна». И эта Маргарит Шартрон, родившаяся в Бурже, графиня Татищева, похоронена на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа, где похоронены все русские.

— Помню, мне ваш сын, Владимир Иванович, рассказывал, что вы с большим интересом следили за строительством храма Христа Спасителя.

В. И.: Я хорошо знал этот храм до его разрушения. А когда пришел в тот, который построили сейчас, увидел внутри еще одну церковь — Преображенскую, которой раньше не было. И мне рассказали такую историю. Дело в том, что этот храм был задуман Александром Первым как храм-памятник в честь победы над Наполеоном. Сначала его хотели поставить на Воробьевых горах, но решили, что это неудобно, искали место внизу. И как раз у Мос[illegible] реки стоял маленький Преображ[illegible]ский монастырек — женский. Решили его снести и построить на этом месте храм. И тогда игуменья провозгласила пророчество: «Если вы хотите уничтожить монастырь, ни одно здание не будет здесь стоять». Но на это не обратили внимания, построили храм, который впоследствии и был разрушен. Затем на этом месте хотели построить Дом Советов. Не удалось — построили бассейн. В нем много тонуло людей — что-то не так там было. И когда решили восстановить храм Христа Спасителя, рыли очень глубоко [illegible] позволило внутри основного хр[illegible] разместить еще один, подземный храм Спасо-Преображения в честь того разрушенного монастыря. И это как бы снимает давнее «проклятие».

Вообще, память хранит множество историй. Вот, например, одна из них.

У моего крестного, брата моей мамы, была мастерская, где изготавливали иконостасы, плащаницы, и мы часто ходили к нему. Как раз нужно было проходить перед Никольскими воротами и там — через Красную площадь. Идем как-то и видим толпу. А на земле — кусочки красной материи. Люди смотрят наверх, там над воротами была всегда икона Николая Чудотворца. Икона была завешена красной материей, которая вокруг иконы и ниже вся осыпалась, истлела. Таким образом, икона сама себя открыла. Это было после революции.

— Как я поняла, вы всю жизнь интересовались и занимались политикой.

В. И.: Да, русской и французской, но это помимо моей работы. Знаете, однажды (было это в шестидесятых годах) у меня дома в шесть часов утра раздался звонок. Я выхожу в пижаме, у двери стоят смущенные люди, извиняются и предлагают пройти с ними. Полиция! Я оделся, взял портфельчик, иду. Они говорят: «Нет, возьмите с собой пижаму и бритву». Оказалось, должен был приехать Хрущев, который поставил условие де Голлю, чтобы подозрительные политические деятели были высланы из Франции. И нас отправили на Корсику, на родину Наполеона. Поселили в гостиницу, отлично поили-кормили, к нам очень хорошо относились корсиканцы, они не любили де Голля и нас считали героями. Бывало, что и денег в ресторанах с нас не брали. Так мы провели целый месяц, а потом вернулись домой. И дирекция завода, где я работал, очень извинялась за доставленную неприятность, которая, конечно, от дирекции и не зависела.

— Владимир Иванович, я так полагаю, вы давно уже на пенсии. Чем вы занимаетесь?

В. И.: Да, я уже не работаю больше тридцати лет. Вначале (пятнадцать лет) занимался переводами. Много времени отдавал книгам, своей библиотеке. Потом у меня много коллекций, которыми я занимаюсь с детства...

М. В.: Секрет папиного долголетия — в его оптимизме. Он должен всегда смотреть вперед, а не назад. Ведь даже в самых сложных ситуациях всегда есть возможность вынырнуть. Только вперед и вперед!

С гостями встречалась
Ольга **БЕРЕЗИЙ**